

М. М. Громыко

К жизнеописанию праведного старца Феодора Кузьмича Сибирского (Томского)

1. Источники исследования

Проблема происхождения этого святого в силу своей особой духовной и исторической значимости затмила изучение других вопросов, связанных с выявлением места старца в православной жизни России. В их числе — окормление праведным Феодором Кузьмичом духовных чад, взаимоотношения с ними, их социальное происхождение; отношение к нему духовенства; места выхода богомольцев, обращавшихся к нему и почитавших его, и др.

Обширная литература о св. Феодоре, пополняющаяся интересными работами и в наши дни (в 2003 г. вышла книга С. В. Фомина¹), делится, как известно, на два основных направления: подтверждающее возможность отождествления императора Александра I с известным старцем и опровергающее отождествление и самую его возможность. Авторы первого направления, как правило, более внимательно, чем второго, относились к обстоятельствам жизни Феодора Кузьмича в Сибири, но и они не ставили задач исследования его деятельности как духовника или характеристики его непосредственного окружения. В литературе используются высказывания отдельных лиц из этого окружения без какого-либо источниковедческого анализа степени осведомленности, взглядов, образа жизни, взаимоотношения со старцем. Поэтому серьезные свидетельства людей, хорошо знавших праведника, попадают на страницах сочинений «опровергателей» в число местных легенд. К легендам охотно относят не только трактовку его происхождения, но и свидетельства о его прозорливости, высоком уровне духовности в целом и деятельности его как старца.

Приблизительность пересказов из третьих рук, без ссылок, без источниковедческой оценки позволяет утверждать все, что угодно автору.

Настало время поставить на серьезную источниковую основу изучение широкого круга проблем, связанных с личностью и деятельностью Феодора Кузьмича. Обращение к архивам Москвы — Рукописному отделу Российской Государственной Библиотеки (РО РГБ), Российскому Государственному архиву литературы и искусства (РГАЛИ), Государственному архиву Российской Федерации (ГАРФ), Российскому Государственному архиву древних актов (РГАДА) — убедило нас в реальности этой задачи. Есть основания полагать, что поиск в областных архивах (призываю к нему местных исследователей) даст не менее ощутимые результаты. В данной работе намечаются пути источниковедческого анализа использовавшихся ранее и вновь привлекаемых материалов.

1. «Записки» С. Ф. Хромова

Авторы, писавшие о Федоре Кузьмиче, приводят по разным поводам высказывания С. Ф. Хромова, хорошо знавшего старца в последний период его жизни. Обычно это делается без ссылок на источник, без указания на то, где зафиксированы высказывания и кем — самим ли Хромовым или опосредованно. Часто в этих случаях упоминаются составленные им «Записки».

Семен Феофанович Хромов, по его собственному свидетельству, был помещичьим крестьянином графини Борх и в 1836—37 годах (во время появления старца в Сибири) служил у своего дяди на Ачинских приисках. В 1838 г. он женился «в

¹ Фомин С. В. Святой Праведный старец Феодор Томский. Из истории почитания его Царским Домом и русским народом. М., 2003.

России» (так говорили сибиряки о европейской части страны), а в 1840 г. «откупился в Питере от господ на волю» и вступил в купеческую гильдию. В 1846 г. Семен Феофанович купил дом в Томске. Хромов часто проезжал по своим делам через деревню Зерцалы, недалеко от которой жил Феодор Кузьмич, «и не благоволил Господь ни видеть, ни слышать об великом Старце»². Впервые услышал купец о нем в 1852 г. от известного игумена Парфения, бывшего настоятеля Берлюковской Нико-

Будучи глубоко верующим и основательно воцерковленным человеком, С. Ф. Хромов смог оценить духовную силу старца, его редкие дары Божии и, став его духовным сыном, стремился послужить ему, как только мог. При жизни и после смерти Феодора Кузьмича Хромов делал записи о нем, о его прижизненных и посмертных чудесах. Записи делались от случая к случаю на основе наблюдений собственных, членов своей семьи и посторонних лиц (с точным указанием, кто свиде-

Вид села Зерцалы Ачинского уезда Томской губернии. Фотография начала XX в.
К этой деревне был приписан как ссыльный и некоторое время жил в ней старец Феодор Кузьмич.

лаевской пустыни³, сразу же отправился к Феодору Кузьмичу и с тех пор регулярно бывал у него, а в 1858 г. предложил старцу переехать в Томск и жить у Хромова. Старец согласился и жил у Семёна Феофановича до своей смерти в 1864 г.⁴

тельствова). В октябре 1866 г. он «слышал во сне себе упрек, что мало записывает о старце»⁵. После этого записи стали более подробными.

Согласно его собственной заметке на полях одного из документов, «Хромов письмо посылал Го-

² РГАЛИ. Ф. 487. Скалдин А. Д. Оп. 1. Д. 137. Л. 9.

³ Иеромонах Парфений, пострижник Афона, строитель Берлюковской пустыни, в 1857 г. — игумен Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря, автор полемических сочинений против раскола и «Сказания о странствии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле». *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. II. С. 1762—63.

⁴ РГАЛИ. Ф. 487. Скалдин А. Д. Оп. 1. Д. 137. Л. 9—9 об.; РОРГБ. Ф. 23. Белокуров С. А. Карт. 8. Д. 1 (1а). Л. 24.

⁵ РО РГБ. Ф. 23. Карт. 8. Д. 1. Л. 27—27 об.

сударю Императору в 1866 году, желая действительно передать Государю об великом Старце, но Комиссия ему отказала»⁶.

Особенно активно вел себя Семен Феофанович в деле увековечения памяти старца, выяснения его личности и прославления его чудес в 1881—1882 гг. — после убийства императора Александра II. Дело в том, что старец Феодор Кузьмич провидел это злодеяние за 20 лет до его свершения. С. Ф. Хромов, убедившись теперь в истинности предсказания, стремился обратить молитвы других, включая государя Александра III и его семью, к старцу, искать его заступничества пред Богом в условиях жестокой крамолы⁷.

Он «списывает» прежние свои заметки, создает новые «Записки» (всегда стараясь очень ответственно и точно следовать формулировкам свидетелей), размножает, вручает разным влиятельным лицам. Так возникают разные редакции этих текстов и комплексы их, собранные у конкретных лиц, а затем отложившиеся в фондах разных архивов. Писать Семену Феофановичу было трудно: Хромов был человеком необразованным. Но горячая вера в значимость этого дела, в Божию помощь по молитвам великого Старца (так называл он Феодора Кузьмича), сопровождали всю эту деятельность.

С. Ф. Хромов был убежден не только в святости Феодора Кузьмича, но и в том, что он был раньше императором Александром I. Поэтому он считал своим долгом довести до сведения царской семьи ту информацию, которой он располагал, передать им некоторые предметы, принадлежавшие старцу, и оставшиеся от него зашифрованные записки.

О своих усилиях такого рода Хромов сам рассказывает в записке, посвященной его встрече с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым: «1881 июля 31 дня в 2 часа пополудни был я у г-на Константина Петровича Победоносцева. Спросил о передаче Государине Императрице Марии Федоровне великого Старца Феодора Козьмича платочка ей и портрета, и наследнику. Он сказал, что передал, и приказали благодарить. При этом он, Победоносцев, посадил меня с ним побеседовать, и я сидел разговаривал долго, и я передал ему много о чудесах и явлении-

ях великого Старца. Он слушал со вниманием»⁸.

Далее в этой записке Семен Феофанович излагает те из чудес Феодора Кузьмича, а также связанные со старцем явления другим лицам, которые он сообщил обер-прокурору в ходе этой беседы. «Слушавши Константин Петрович это все со вниманием и сам при том в сознании, что покойный Государь Александр Павлович последнее время был слишком набожный и, как видно, искал уединения, и сказал: «Теперь я вижу, что вы передаете мне в простоте сердца, и я понял и передам все это Государю Императору, а сперва я посомневался, еще не передал».

Хромов настойчиво просил Победоносцева, чтобы «непременно передал подробно Государю и чтобы Государь просил в молитве великого Старца избавить их от разбойничьей крамолы, великий Старец сохранит их, и чтобы постарались отыскать по запискам ключа, где непременно откроется тайна великого События»⁹ (речь идет о расшифровке записок Феодора Кузьмича).

Семен Феофанович был принят обер-прокурором Синода еще два раза в близкие к этой беседе сроки: 11 и 25 августа. Он передал Победоносцеву записку, в которой повторил письменно то, что до этого излагал ему устно, а также «список копии из чудес и явлений великого Старца, составленный при списании в Петербурге» в августе 1881 г. Этот «Список» на 14 листах представлял из себя выписки из неких «книжек» Хромова, в которых «сделаны отметки»¹⁰.

Через полгода после встреч с К. П. Победоносцевым — 8 февраля 1882 г. — Хромов в Иркутске передал М. Н. Галкину-Врасскому набор документов, относящихся к старцу Феодору Кузьмичу, в который вошла и записка о беседе с обер-прокурором Святейшего Синода¹¹. Галкин-Врасский был начальником Главного тюремного управления и в этом качестве оказался в Иркутске. Обращение к нему Семена Феофановича не было случайным. Этот высокопоставленный чиновник, член Государственного Совета, проявлял особое отношение к памяти старца. Оно выразилось, в частности, в том, что на средства Галкина-Врасского был устроен навес — двускатная крыша на столбах — над домиком-кельей Феодора Кузьмича, расположенной в углу обширного

⁶ РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 137. Л. 11 об. Речь идет о Комиссии прошений на Высочайшее имя.

⁷ РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 137. Л. 4—4 об.

⁸ Там же. Л. 3. Записки, переданные С. Ф. Хромовым К. П. Победоносцеву, опубликованы. См. Бренников Н. Тайна Томского Старца. Неизвестные документы. // Русская провинция. Новгород, 1994. № 4. С. 72—80.

⁹ РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 137. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Л. 5—5 об.

¹¹ Там же. Л. 2.

двора владений С. Ф. Хромова в Томске¹². Была ли это личная инициатива или поручение высокого лица — нам неизвестно.

М. Н. Галкин-Врасский имел сведения о старце не только от С. Ф. Хромова. Он общался со многими томичами, в частности, с настоятелем Алексеевского монастыря архимандритом Виктором, хорошо знавшим старца¹³.

Характеристика М. Н. Галкина-Врасского, его поездки в Сибирь и особые обстоятельства его доклада императору Александру III по возвращении изложены в воспоминаниях А. В. Болотова, бывшего пермского губернатора, принявшего в эмиграции монашество. Приводим это место полностью:

«Затем был еще следующий очень любопытный факт: покойный главный начальник тюремного управ. Мих. Ник. Галкин-Врасский, человек весьма уважаемый и почтенный, долго путешествовавший по Сибири для подробного ознакомления с местами заключения и ссылки, убедился в глубоком уважении, которым была окружена личность покойного старца Феодора Кузьмича, и при своем докладе Императору Александру III сказал, что как в Томске, так и в других городах Западной Сибири Феодора Кузьмича почитают за Императора Александра I.

Александр III внимательно выслушал и молча указал Галкину на стену над письменным столом, где висели фамильные портреты, и среди них портрет старца Феодора Кузьмича»¹⁴.

Существовала даже версия, изложенная историком бароном Н. Н. Врангелем со слов полковника Игнатия Ивановича Балинского — управляющего конторы Двора его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, согласно которой именно М. Н. Галкин-Врасский в 1864 г. привез тело Феодора Кузьмича из Томска в Санкт-Петербург для захоронения в гробнице императора Александра I в Петропавловском соборе, (гробница при этом оказалась пустой)¹⁵. На этой версии мы еще остановимся специально в соответствующем месте.

М. Н. Галкин-Врасский с особым тщанием хранил набор документов о старце Феодоре Кузьмиче, полученных от Хромова. 20 августа 1901 г. он собственноручно составил опись этих доку-

ментов, собираясь, по-видимому, передать их кому-то для дальнейшего хранения¹⁶.

В состав комплекса документов Галкина-Врасского входят: 1. Подлинник (автограф) записки С. Ф. Хромова о посещении им обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева с изложением беседы; 2. Копия поданной Победоносцеву записки С. Ф. Хромова о явлениях разным лицам, свидетельствующих о том, что Феодор Кузьмич был императором Александром I; 3. «Краткое описание последней жизни в Сибири великого Старца Феодора Козмича» (автограф Хромова); 4. Выписка из записной книжки Красноярского и Енисейского Преосвященного Никодима (Казанцева), посетившего могилу старца и отслужившего над ней литию; 5. Копии двух оставшихся после кончины старца зашифрованных записок; 6. Снимок с автографа Феодора Кузьмича — записки 1849 года; 7. Фото-снимок (в Санкт-Петербургской фотографии) с вензеля, изображенного старцем; 8. Вид могилы старца в Томском Алексеевском монастыре; 9. Изображение Феодора Кузьмича на смертном одре; 10. Изображение его стоящим в келье в полный рост (Санкт-Петербургская фотография с портрета). Галкин-Врасский присоединил к этим материалам также небольшую «памятную записку» архиепископа Иркутского Вениамина, переданную Галкину в тот же день (8 февраля 1882 г.), когда были получены документы от Хромова¹⁷.

«Записки» томского купца в целом содержат обильный биографический материал о сибирской жизни старца, но центральное, на наш взгляд, место среди них занимает описание его прижизненных и посмертных чудес. Наиболее полно посмертные чудеса (с включением нескольких прижизненных) изложены в документе, начинающемся словами: «Начато списывать 15 декабря 1881 г. в Енисейске». Далее следует подробное изложение конкретных случаев, разделяемых номерами — от 68-го до 97-го. Назовем условно этот текст (одну из «Записок» Хромова) — «Список»¹⁸. По-видимому, подобный же «Список» «на 14 листах» был передан К. П. Победоносцеву. Но о том Семен Феофанович указал, что он был «списан» в Санкт-Петербурге в августе 1881 г., а об этом сказано: «начато списывать 15 декабря 1881 г. в Енисей-

¹² Я-въ Н. Еще о таинственном старце. // Русский листок. № 77. 18 марта 1898 г. С. 1.

¹³ Таинственный старец Феодор Кузьмич в Сибири и император Александр Благословенный. Харьков, 1912. С. 71—72.

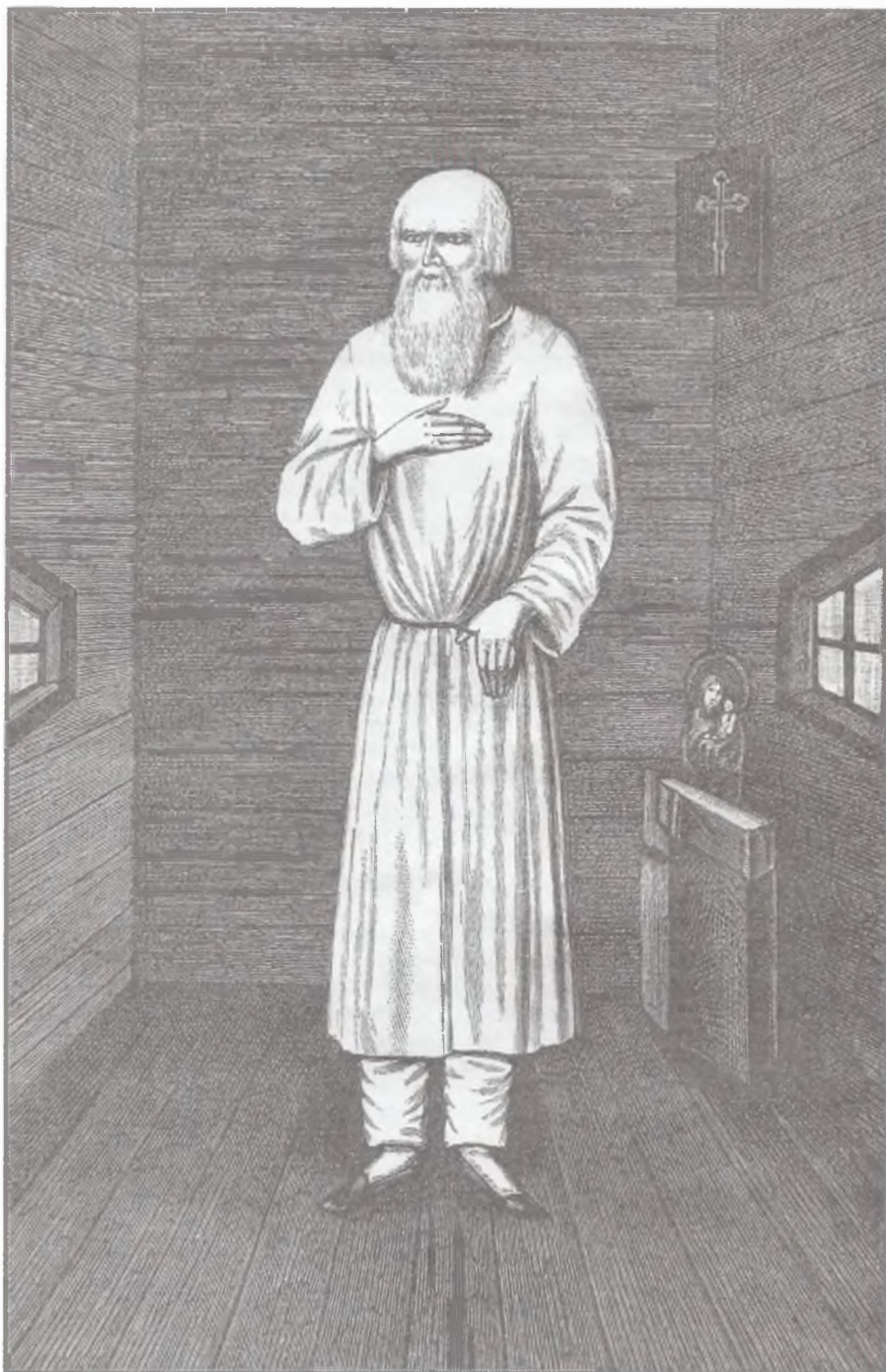
¹⁴ Болотов А. В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж, 1924. С. 350—351.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2778. Фролов А. В. Оп. 1. Д. 144. Л. 141—142.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 487. Скалдин А. Д. Оп. 1. Д. 137. Л. 2. В настоящее время комплекс документов Галкина-Врасского хранится в фонде писателя Скалдина в составе собранных этим писателем материалов.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 487. Скалдин А. Д. Оп. 1. Д. 137. Л. 3—18 об.

¹⁸ РО РГБ. Ф. 23. Карт. 8. Д. 1. Л. 12—23 об.

Посмертный портрет старца Феодора Кузьмича. Написан сибирским художником на основе рисунка с умершего старца. Фотографии портрета распространялись в 1880-е гг. — начале XX в. в Москве и Санкт-Петербурге.

ске». И «Список» для Победоносцева, и енисейский «Список» восходят к одному первоисточнику — книге записей Хромова. Сама книга эта пока нами не обнаружена (возможно, томские исследователи выявят ее). Но енисейский «Список» является автографом Хромова.

Существует информация, что в 1885 г. по Петербургу ходила обьемистая сенсационная рукопись о необыкновенном отшельнике Феодоре, о святости и чудесах его¹⁹. Скорее всего, это был «Список» вместе с первой частью его (нумерация эпизодов с 1-го по 67-й), к которой мы сейчас обратимся.

Используемый нами вариант «Списка» (енисейский) находится в составе комплекса документов (касающихся старца Феодора Кузьмича), собранных томским священником Иоанном Тимофеевичем Верховским и поступивших после смерти о. Иоанна через И. И. Шитова к Сергею Алексеевичу Белокурову, в фонде которого они хранятся ныне²⁰. Сохранились письма И. И. Шитова к С. А. Белокурову по поводу передачи этих документов (от января 1895 г.).

Шитов пишет 11 января: «У меня в бумагах нашлось старца Феодора, жившего на поселении в Томске, которого прославляли местные жители за императора Александра, умершего в Томске и погребенного в монастыре. Могилу малой и старой указывает этого праведного Старца, а на самом деле лицо загадочное, если желаете, я могу эти бумаги прислать. Здесь уцелело половину его жития по записке второй части. Правда, на самом деле, лицо замечательное! Мне эти бумаги достались от священника Иоанна Верховского, который был знаком с томским купцом, у которого старец Феодор проживал на даче, там-то он и помер»²¹.

Письмо это не только проливает свет на возникновение комплекса источников, но само служит источником о посмертном почитании старца в народе и широком распространении мнения о тождественности его с императором. Речь идет здесь о «Списке» (енисейский вариант), который И. И. Шитов считает второй частью «его жития».

12 января 1895 г. Шитов послал Белокурову по его просьбе (переписка шла, судя по всему, в пре-

делах Москвы) «разные бумаги касательно Раба Божия Феодора, которые я получил от покойного Иоанна Тимофеевича Верховского». После чего С. А. Белокуров, естественно, стал разыскивать первую часть — эпизоды под номерами, предшествующими 68 — му. Шитов полагал, что в Москве она едва ли найдется, а в Томске — наверняка отыщется, и предложил написать в Ирбит: «там теперь начинается с 1 февр. ярмонка, томских там бывает много; там можно попросить приобрести 1-й отдел жития. Только мне нужно знать, вторая часть жития с которой цифры начинается?»²²

Судя по результату, предложенный И. И. Шитовым путь поиска увенчался успехом. В комплексе документов о. Иоанна Верховского после «Списка» Хромова идет другой его текст под названием «Содержание заметок о великом старце Федоре Кузьмиче» (далее называем его «Содержание»), имеющий нумерацию от 1 до 67 пунктов. Текст охватывает преимущественно прижизненные события и несколько посмертных чудес (1852—1867 гг.). Эта первая (по времени событий и нумерации) часть («Содержание») отличается от второй («Список») лаконичностью многих пунктов, представляющих собою как бы памятку о каком-то явлении или высказывании Феодора Кузьмича. В некоторых случаях после краткой формулировки есть приписка «не помню». Это в некотором роде рабочий материал; в то же время иные эпизоды из жизни старца изложены очень обстоятельно и представляют собой исключительную ценность для формирования его жизнеописания.

В комплексе документов о. Иоанна Верховского за «Содержанием» следует карандашный список с него, с очень небольшими отличиями. Замечания в скобках — «не помню» в карандашном тексте отсутствуют. На каждом листе сверху написано чернилами: «Замечания отца Верховского»²³. Таким образом, хотя «Содержание» (в двух экземплярах — чернильном и карандашном) поступило стараниями И. И. Шитова позднее, чем «Список», оно, тем не менее, также восходит к бумагам, оставшимся от томского священника, знавшего С. Ф. Хромова²⁴.

¹⁹ *Василич Г.* Император Александр I и старец Федор Кузьмич. Изд. 4-е. 1911. Репр. воспр. М., 1991. С. 149.

²⁰ *РО РГБ. Ф. 23. Карт. 8. Д. 1 (1а). Л. 1—39а. Белокуров С. А.* (1862—1918) окончил Московскую Духовную Академию, доктор церковной истории, член-корреспондент Академии Наук, директор Главного архива Министерства иностранных дел, автор работ и публикатор документов по истории Церкви.

²¹ *Там же* Л. 35—35 об.

²² *РО РГБ. Ф. 23. Картон 8. Д. 1 (1а). Л. 37—39а.*

²³ *Там же*. Л. 28—33.

²⁴ В данном номере журнала публикуются «Содержание» и «Список», составляющие вместе 97 пунктов записей Хромова о чудесах, связанных со старцем Феодором Кузьмичом.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что о. Иоанн Верховский присоединил к текстам С. Ф. Хромова о старце документ совершенно иного рода — сообщение о смерти императора Александра I в Таганроге²⁵. Этот текст начинается словами: «Таганрог 23 ч<исла> ноября 1825 года выписка из письма». Здесь же на полях — заметка: «Современно событию. Писал с подл<инника> Ив. Андр. Верховский, письмоводитель Черниговского преосв. Лаврентия, впоследствии архимандрит (первый) Покр. Единоу. мон. Черниг. Епархии». Надпись на полях явно поздняя, т.к. Покровский монастырь в Новозыбковском уезде Черниговской епархии (бывший старообрядческий) стал единоверческим лишь в 1847 г.²⁶

Письмо, из которого сделал выписку И. А. Верховский (по-видимому, родственник томского священника), адресовано в Петербург (об этом свидетельствует фраза: «Потрудитесь уведомить, когда Вы получили в Петербурге известие о горестнейшем несчастии, постигшем мгновенно Россию»), но в выписке не указано — кому. Подпись состоит из двух букв: А. Б.

В письме есть постскрипtum: «Р. S. Надлежало бы с прошедшею почтою известить Вас о сем бедствии... (многоточие в тексте. — М. Г.) Но день был ужасно темный и несчастный. Почта была остановлена по случаю кончины Государя Императора»²⁷.

Объединение Иваном Тимофеевичем Верховским этой выписки из таганрогского письма с записками Хромова свидетельствует о том, что томскому священнику не чужда была идея отождествления личности старца с императором. (Следует иметь в виду, что о. Иоанн, так же как и владелец рассмотренного выше комплекса документов Галкин-Врасский, несомненно имел информацию о Феодоре Кузьмиче не только от Хромова, т.к. общался со многими местными жителями, знавшими старца, в том числе с духовенством Алексеевского монастыря). Более того, в самом тексте «Содержания», переписанном о. Иоанном Верховским, в пункте 57 есть прямо изложенная им точка зрения на тождество императора Александра I и Феодора Кузьмича. Речь идет о замечании старца о том, что есть нечто выше схимы; к этому замечанию о. Иоанн добавляет следующее

свое соображение: «Думаю я, i. И. В., что такое отречение от благ и славы мира, какое явил Старец, подлинно выше всякой схимы и не на одну степень»²⁸. Понятно, что i. И. В. — иерей Иоанн Верховский.

У С. Ф. Хромова был широкий круг знакомых — от Иркутска до Петербурга. Многие из них упоминаются на страницах его записок и в других источниках, о которых речь пойдет ниже: они окормлялись духовно у праведного старца Феодора Кузьмича, наблюдали необычные явления, с ним связанные, исцелялись предметами, оставшимися от него. В их числе — духовенство, купечество, крестьяне, дворяне, чиновники. Какова была общественная репутация Семена Феофановича?

В 90-х годах Томский губернатор Ломачевский получил официальный секретный запрос властей о Хроме, связанный, судя по тексту ответа, с интересом к личности Феодора Кузьмича. Губернатор ответил шифрованной телеграммой: «Купец Семен Хромов — уроженец Томска, где жил постоянно. Первоначально имел золотые прииски в Восточной Сибири, затем, продав их, занимался торговыми делами; был известен за честного человека, пользуясь всеобщим особенным уважением и вниманием; умер 29 апреля 1893 г. на 80-ом году отроду. Старец Федор Козьмич, отличавшийся строгим монашеским образом жизни, постоянно проживал у Хромова в устроенной для него келии»²⁹.

В 1908—1912 годах «Томский кружок почитателей старца Феодора Кузьмича» собирал материалы о нем. В итоговой книжке относительно С. Ф. Хромова была дана следующая оценка: «Выдающейся чертой Семена Феофановича была его непоколебимая честность»³⁰.

Подобную же безоговорочно положительную характеристику выдал Хромову как человеку, заслуживающему доверия, много лет спустя — в 1920-х годах — известный золотопромышленник В. И. Базилевский, хорошо знавший Семена Феофановича. Будучи в эмиграции, в престарелом возрасте, Базилевский писал профессору-историку Д. Н. Вергуну: «Хромова я знал как честного, правдивого и богобоязненного человека и сомневаться в его рассказе у меня не было никаких причин. Хромов мне много рассказывал подробно-

²⁵ РО РГБ. Ф. 23. Картон 8. Д. 1. Л. 2—5.

²⁶ *Православные русские обители*. СПб., 1994 (Репринт с изд. СПб., 1910 г.). С. 529—530.

²⁷ РО РГБ. Ф. 23. Картон 8. Д. 1а. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 27.

²⁹ К. В. Кудряшов, проф. Александр Первый и тайна Федора Козьмича. Петербург, 1923. С. 47.

³⁰ *Таинственный старец Феодор Кузьмич...* С. 183.

стей о старце, которые свидетельствовали об его уме и необыкновенно утонченном воспитании»³¹.

Но если лица, с которыми общался С. Ф. Хромов, были, за редким исключением, верующими и жившими церковной жизнью людьми, говорившими на одном с ним языке, понимавшими его задачу и радовавшимися его сообщениям, то у историков-атеистов его «Записки» вызвали раздражение и даже ярость. Так, К. В. Кудряшов в качестве источниковедческого анализа «Записок» дал в своей книге ироническое изложение некоторых чудес старца со следующим выводом: «Это изобилие чудесного решительно подрывает в глазах историка доверие к «Запискам» Хромова»³². Вот, оказывается, как все просто у историков.

2. «Сведения»

В комплекс документов, собранных томским священником И. Т. Верховским, вошел (кроме рассмотренных выше) также источник особого рода, имеющий название: «Сведение, забранное о Старце Феодоре»³³.

Этот ценнейший документ представляет собою запись свидетельств о старце, полученных от крестьян, лично знавших праведника и активно общавшихся с ним. Сведения собраны в тех селениях, где в 1837—1858 годах жил Феодор Кузьмич до переезда в Томск. Мысль о первостепенном значении этого источника для составления жизнеописания подвижника принадлежит И. П. Кузнецову-Красноярскому³⁴, опубликовавшему в «Историческом вестнике» небольшую статью о Федоре Кузьмиче. Он пишет: «Имеющиеся в нашем распоряжении материалы для биографии старца следующие: 1) три списка рукописи, озаглавленной «Сведения, забранные о старце Феодоре»; рукопись эта по своему официальному тону, по всей вероятности, есть ничто иное, как показания, отобранные от местных жителей кем-либо из волостных властей по требованию земской полиции. 2) Записки Хромова». (В сноске: «мы имеем копию с записок Хромова».)³⁵

Предположение И. П. Кузнецова-Красноярского о формировании «Сведений» «по требованию земской полиции» не подтверждается. Обращение к оригиналу «Сведений», входящему в состав комплекса документов о Иоанна Верховского, позволило нам установить и дату, и обстоятельства возникновения источника.

«Сведения» составлялись в три приема. В начале каждого из трех текстов есть дата получения этих записей адресатом: 9-е, 14-е и 21-е апреля 1882 г.³⁶ Направлены они были С. Ф. Хромову. Это выясняется из приписки в конце второго текста: «Семен Феоданович, унижайше прошу Вас, по получении сего уведомить меня письмом. Ваш Семен Сидоров»³⁷. Приписка написана тем же почерком, что и весь текст. Следовательно, записывал показания других крестьян (и свои собственные) Семен Сидоров. Крестьяне села Белоярского Семен (Симеон) и отец его Николай Сидоровы были близкими к Феодору Кузьмичу людьми. Это явствует не только из текста «Сведений» (здесь указывается, что старец жил в келье в 20 саженьях от дома Сидорова, давал Семену советы, предвидел некоторые обстоятельства его жизни и пр.), но и в жизнеописании подвижника, составленном М. Ф. Мельницким (см. о нем ниже), Сидоров назван в числе крестьян, которых Феодор Кузьмич «в особенности любил»³⁸.

«Сведения» состоят из записей показаний крестьян, излагаемых, как справедливо заметил И. П. Кузнецов-Красноярский, с некоторыми официальными оборотами. Чувствуется, что рассказывали крестьяне с особой ответственностью перед Богом и людьми за свои показания, имея в виду дальнейшую судьбу этого документа, свидетельствующего о поступках, словах, чудесах святого старца и чудесных явлениях, с ним связанных.

По-видимому, С. Ф. Хромов предполагал передать «Сведения» верховным властям. Вспомним последовательность событий: в июле-августе 1881 г. Семен Феоданович был принят в Петербурге К. П. Победоносцевым; 8 февраля 1882 г. передал в Иркутске материалы о Феодоре Кузьмиче М. Н. Галкину-Врасскому; в апреле 1882 г.

³¹ Любимов Лев. Тайна императора Александра I. Париж, 1938. С. 191.

³² Кудряшов К. В. Указ. соч. С. 47.

³³ РО РГБ. Ф. 23. Белокуров. Карт. 8. Д. 1 (1а), Л. 6—11.

³⁴ Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович (1851—1917) — археолог, этнограф, историк: собирал археографические материалы на территории Минусинского округа. Им опубликованы в 1897 г. «Исторические акты XVII столетия (1630—1699). Материалы для истории Сибири».

³⁵ Кузнецов-Красноярский И. П. Старец Федор Кузьмич. // Исторический вестник. СПб., 1895. Май. С. 551—552.

³⁶ РО РГБ. Ф. 23. Картон. 8. Д. 1. Л. 6, 8, 10.

³⁷ Там же. Л. 9 об.

³⁸ Мельницкий М. Ф. Старец Феодор Кузьмич в 1836—1864 гг. // Русская старина. М., 1892. Т. 78. С. 95.

производится (по просьбе Хромова) запись показаний крестьян. Скорее всего, в ходе бесед с обер-прокурором Святейшего Синода и с другими лицами С. Ф. Хромов понял, что желательно иметь дословные записи показаний других людей, наблюдавших жизнь старца (а не только упоминания Хромова об этих фактах).

В «Сведениях» содержатся сообщения о многих важнейших событиях жизни подвижника, хотя Семен Николаевич Сидоров смог встретиться для записи свидетельств далеко не со всеми оставшимися в живых духовными чадами и знакомыми старца, даже в своей округе. К сожалению,

приведет к выявлению аналогичных «Сведениям» записей из других мест.

В «Сведениях» вошли показания девяти крестьян, лично знавших в продолжение длительного времени Феодора Кузьмича. Кроме того, участниками записи излагаются еще и рассказы некоторых других крестьян. В составлении «Сведений» участвовали жители сел Коробейникова (Белоярская волость, Мариинский округ, Томская губерния), Белоярского (та же волость) и деревни Мазули (Покровская волость³⁹ Ачинский округ Енисейская губерния). Другие населенные пункты — село Красноречинское, дерев-

Наружный вид кельи старца Феодора Кузьмича на заимке наследников С. Ф. Хромова, ныне Чистяковых, близ Томска. Лица — старик Ив. Гр. Чистяков, сконч. в декабре 1911 г., слева жена его Зинаида Семеновна (младшая дочь Хромова), справа почитатель старца томский житель Д. Г. Романов, собиравший материал о жизни старца. Фото и подпись начала XX в.

не было, по-видимому, проведено подобной фиксации сообщений в Красноярске, хотя из других источников (жизнеописание Феодора Кузьмича, составленное М. Ф. Мельничкиным; записки Хромова) мы узнаем о постоянных посетителях старца из этого города. Возможно, дальнейший поиск

ня Зерцалы, село Боготол, г. Ачинск — упоминаются в источнике в связи с тем, что старец там жил или бывал.

Следует выделить как особенно содержательные сообщения двух крестьянок — Феклы Степановны Коробейниковой (с. Коробейниково) и Ма-

³⁹ Ранее — Черноречинская.

риам (Марьяши) Ивановны Ерлыковой—Ткачевой (дер. Мазули).

Фекла Степановна, ее муж Иван Яковлевич Коробейников и дочь их Феоктиста названы М. Ф. Мельницким в числе крестьян, которых в особенности любил Феодор Кузьмич⁴⁰. Из самого сообщения Ф.С. Коробейниковой, записанного С. Н. Сидоровым, видно, что она глубоко верующий человек, жизнь ведет церковную, и хорошо ориентируются даже в чинах церковной иерархии. По-видимому, она какое-то время исполняла функции келейницы при старце. Так, по поводу приезда к старцу в село Коробейниково Томского Преосвященного Парфения говорится: «До приезда Владыки Старец Феодор приказывал крестьянке Коробейниковой испечь три пирожка из ягод, собранных пречистыми его руками, когда приказывали и тут же сказал, что завтра будет у него гость, и предсказание в точности сбылось <...>»⁴¹.

В показаниях Феклы Степановны содержится важнейшее сообщение о том, что благословление на сокрытие своего происхождения и образ жизни пустынноика старец получил от митрополита Филарета: «Когда старец Феодор бывши в бродяжестве в России, то был он у митрополита Филарета и, проживши неизвестное время, получивши благословления от Владыки с пояснением скрыть свое родоприсхождение и принять на себя вид скитающего пустынноика. Так Старец Феодор с тех пор вел жизнь уединенную, отшельническую, проживал в Боготольской волости в деревне Зерцалах 12 лет, в число поясненных лет проживал временно <...>». Далее следует подробное и совпадающее с данными других источников (официальных документов — о них речь пойдет ниже, Мельницкого, записок Хромова) перечисление селений, лиц, у которых жил Феодор Кузьмич, и описание его образа жизни⁴².

Заслуживают внимания свидетельства Феклы Степановны Коробейниковой о некоторых обстоятельствах суда над старцем, после которого он был отправлен в Сибирь на поселение в Боготольскую волость. Обстоятельства эти, «слышанные от Старца Феодора», следующие: 1. Он не принял предложения быть выпущенным на свободу по поручительству, а хотел, чтобы его осудили, и тем самым он получил бы официально место житель-

ства. 2. О суде «дано было знать Государю Императору Николаю Павловичу и по распоряжению Его Величества секретным образом был прислан Великий Князь Михаил Павлович», которого старец уговорил не препятствовать осуждению его в Сибирь на поселение «за Федора Козмича»⁴³.

Насколько реально обращение по этому делу к императору и приезд на Урал великого князя?

К. В. Кудряшов легко отбрасывает это свидетельство: «Приезд Михаила Павловича совсем уже фантастичен, — пишет он, — мыслимо ли думать, что столь дальний путь (да еще при тех условиях передвижения), от Петербурга до Красноуфимска, не оставил бы по себе никаких следов!» Неясно, где и какие следы искал профессор, — никаких указаний на обращение к каким-либо материалам о жизни вел. кн. Михаила Павловича в книге Кудряшова нет. С показаниями крестьян он расправляется так же легко, как и с записками Хромова, т. к. «рассказы эти разрисованы народной фантазией, и положиться на них историку невозможно»⁴⁴.

Обращение в 1836 г. к императору Николаю I по поводу задержанного под Красноуфимском «не помнящего своего родоприсхождения» человека, явно аристократического типа, несомненно, было возможно, т. к. Красноуфимский уездный суд в октябре 1836 г. представлял свое решение по этому делу на утверждение Пермскому губернатору, который возвратил решение со своими коррективами. Об этом мы узнаем из обзора документов по делу «бродяги Федора Козьмина», поступивших в декабре 1836 г. в Томский приказ о ссыльных (по месту следования «бродяги» к месту поселения в партии ссыльных) и сохранявшихся в архиве этого учреждения. Обзор был составлен в мае 1895 г. управляющим томским приказом о ссыльных Р. Кузовниковым и опубликован в июльском номере «Исторического вестника» этого же года в скромном разделе «Заметки и поправки»⁴⁵.

Запрос государю на уровне губернатора мог быть секретным. Не исключено также, что «дано было знать» сугубо частным порядком. Где был император Николай I во время задержания «бродяги» под Красноуфимском? Оказывается, отнюдь не в Петербурге, а в маленьком городе Чембар Пензенской губернии, где он задержался

⁴⁰ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 95.

⁴¹ РО РГБ. Ф. 23. Карт. 8. Д. 1. Л. 7 об.

⁴² Там же. Л. 6 об.

⁴³ Там же. Л. 6—6 об.

⁴⁴ Кудряшов К. В. Указ. соч. С. 48.

⁴⁵ Кузовников Р. Кто был старец Федор Козьмич. // Исторический вестник, 1895. № 7. С. 246. К этому обзору в целом мы еще вернемся ниже, в разделе «Официальные документы».

из-за несчастного случая: при переезде из Пензы в Тамбов государь в ночь на 26 августа 1836 г. ехал в коляске вдвоем с графом Бенкендорфом в гористой местности, сопровождаемый лишь кучером Колчиным и камердинером Малышевым; на крутом повороте коляска перевернулась. Слуги лежали без чувств, а граф освободил императора от коляски. Придя в себя, Николай Павлович произнес знаменательные слова: «Я чувствую, что у меня переломлено плечо; это хорошо: значит, Бог вразумляет меня, что не надо делать никаких планов, не испросив Его помощи»⁴⁶. Государь пробыл в Чембаре до 8 сентября. О его состоянии шли регулярные официальные сообщения⁴⁷. Само путешествие его тоже было вполне официальным: император ехал на маневры. Но вот что наводит на размышления: удивительная близость сроков такой поездки императора Николая I в которой могла пройти незамеченной тайная встреча, и красноуфимского суда: «бродяга», ставший потом Феодором Кузьмичем, появился под Красноуфимском 4 сентября 1836 г. Много лет спустя старец скажет жене Хромова, Наталье Андреевне, что 23 августа — для него великий день: он «отстал от миру» в этот день⁴⁸. От мира он отстал не тогда, когда его живого отпевали (Феодор Кузьмич говорил сибирякам, что уже отпет), а когда, получив благословение свт. Филарета на совсем иную жизнь отправился его осуществлять. Судя по свидетельству Ф. С. Коробейниковой, благословение было дано незадолго до появления под Красноуфимском. Император Николай I 23 августа 1836 г. был в Симбирске на литургии в соборе⁴⁹. Мы не делаем пока из этого никаких выводов. В данном контексте мы хотим лишь показать, что сообщение Феклы Степановны Коробейниковой об осведомленности правящего императора, заслуживает серьезного сопоставления с данными других источников, касающихся упоминаемых ею лиц, и только после этого может быть отвергнуто или уточнено.

3 сентября 1836 г. Николай I писал брату — Михаилу Павловичу из Чембара о необходимости для великого князя провести наступающую зиму и будущую весну в Ницце — для поправления здоровья. О себе же сообщал: «Из писем Адлерберга

изволишь уже знать случай, который прервал мой путь и остановил меня в Чембаре. Теперь чувствую себя гораздо лучше; перелом ключицы исправляется, и надеюсь в скором времени быть в состоянии отправиться в Петербург. Осталось еще беспокойство от тугой перевязки, которая мешает мне писать, так что пишу собственноручно только к императрице; а для твоего письма принужден употребить руку Адлерберга»⁵⁰.

Разумеется, в письмах, посылаемых официальным путем и сохраняемых потом в архивах царской семьи, не писали о сугубо секретных делах. После Чембара император в Царском Селе получил письмо от «любезного брата Михайла» (вся их переписка на русском языке) из Франкфурта от 10 сентября и ответил ему 21 сентября⁵¹.

Свт. Филарет, митрополит Московский и Коломенский.
Портрет сер. XIX в.

⁴⁶ Тальберг Н. Д. Русская биль. Очерки истории Императорской России. М., 2000. С. 424.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца. Оп. 1. Кн. 4. Д. 1762: «Бюллетени лейб-медика Николая Федоровича Арендта о состоянии здоровья Императора Николая I после перелома левой ключицы». Бюллетени с 27 августа по 14 сентября 1836 г.; из городов: Чембары, Кирсанов, Тамбов, Козлов, Рязань, Коломна и Москва.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 137. Л. 4.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 35. Л. 63.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1402. Ч. I.

⁵¹ Там же.

Возможен ли был секретный выезд великого князя из-за границы на Урал? Мало вероятно. Хотя в переписке Михаила Павловича в период, когда «бродяга» содержался в красноуфимской тюрьме (согласно обзору Р. Кузовникова, 13 октября он был отправлен в Сибирь), есть некоторые странности. Так, письма князя Долгорукова великому князю из Санкт-Петербурга в Баден-Баден от 15 сентября 1836 г., от 30 ноября 1836 г. и еще два следующие были получены адресатом все в один день — лишь 10 февраля 1837 г.⁵² Но такое, в принципе, возможно и за счет переездов из города в город в Западной Европе.

Николай I писал брату Михаилу этой знаменательной для будущего Феодора Кузьмича осенью 1836 г. еще 13 октября и 19 ноября, т. е. в день смерти Александра I. И ни слова о старшем брате!⁵³

Секретные поездки столь высоких особ были вполне вероятны. Так, о приезде великого князя Михаила Павловича в мае 1836 г. (!) в Новгородский-Юрьев монастырь настоятель архимандрит Фотий писал графине А. А. Орловой-Чесменской:

«Слава Богу, святейшее мое чадо, был великий князь Михаил П<авлович>: и точно было скрытно все у нас, и так, что уже лучше сделать у нас ума не достало. Все хорошо было: и мил весьма был и много говорил, и все полюбил, и я рад был видеть его и он меня. О всем перескажу лично. Мир тебе. Радуйся. + + +

Отец Фотий

1836 года мая 8 дня.

Буде угодно и нужно, то вручи брату Алексею мое письмо при сем прилагаемое»⁵⁴.

И снова об этом же в следующем письме от 9 мая 1836 г.: «Кажется по мне, нельзя было сделать лучше, аккуратнее, скрытнее доброй встречи, как была сделана В. К. Михаилу. Мне казалось, он был в удовольствии от всего и милостив очень ко мне»⁵⁵.

Ф.С. Коробейникова не могла, конечно, «разрисовать народной фантазией» рассказы своего любимого и глубоко чтимого духовного отца, которого она справедливо считала святым. Она стремилась вспомнить и изложить его слова со всей ответственностью. Но что-то могло быть изначально не понято ею или забыто или сместиться в памяти⁵⁶.

Несомненно заслуживает доверия и требует внимания исследователей такая «деталь» в показаниях Феклы Степановны: старец был отправлен в Сибирь на поселение «за Федора Козмича»⁵⁷. Почти всем сибирякам приходилось иметь дело со ссыльными или слышать рассказы о них, и в Сибири хорошо знали, что значит выражение нести наказание за кого-то. Это значило — принять на себя приговор, предназначенный другому, принять на себя имя и судьбу другого человека. Известны случаи, когда ссыльные по тем или иным причинам менялись судьбами или брали на себя имя умершего товарища. Употребление Коробейниковой формулы «за Федора Козмича» наводит на мысль, что это имя не было придумано скитальцем, а пришло к нему вместе с делом некоего бродяги, (возможно, умершего или выпущенного на свободу), в качестве которого и был отправлен в Сибирь на поселение неизвестный аристократического склада. Этим могут быть объяснены многие неувязки в официальных бумагах Феодора Кузьмича. На них мы остановимся ниже в параграфе «Официальные документы».

Ценные подробности содержатся в показаниях Ф.С. Коробейниковой о приезде к Феодору Кузьмичу Иркутского преосвященного владыки Афанасия. Весь характер встречи, поведение архиерея и самого старца свидетельствуют о взаимоотношениях, исключающих какие-либо отклонения Феодора Кузьмича от православия, приписываемые ему некоторыми авторами⁵⁸.

⁵² ГАРФ. Ф. 666. Великий князь Михаил Павлович. Оп. 1. Д. 353. Л. 13, 17 об., 19, 27 об., 29—32.

⁵³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1402. Ч. I. Л. 26.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1208. Новгородский Юрьев монастырь. Оп. 3. Д. 69. Л. 57. Автограф.

⁵⁵ Там же. Л. 58. Автограф.

⁵⁶ Заметим, что человек высокого благочестия не только намеренно не может исказить информацию о святом, но и объективно, как бы независимо от себя, по благодати, излагает более достоверные сведения. В этом отношении оценка верующего и неверующего исследователя расходятся. Для неверующего человека принятие рассказчиком за реальные факты чудесных явлений служит признаком того, что источник информации не заслуживает доверия. Для верующего ученого, напротив, человек, способный увидеть чудесное явление, при определенных условиях заслуживает наибольшего доверия. Фекла Степановна Коробейникова «видела Старца в селе Красноречинском, стоящего во время богослужения в Церкви, молящего и всего в сиянии, озаренного сильным лучом света, отражающегося от него, нельзя применить ни к какому свету, а равно было видение во время уборки хлеба, раздвоилось небо на две половины, и сошло облако, на коем Старец Федор шествовал лицом к востоку, и вскоре чудное явление скрылось. После сего явления Старцу Федору было объяснено, — на что он сказал: недостойн я туда, но, видно Богу угодно». РО РГБ. Ф. 23. Картон 8. Д. 1 (1а). Л. 7.

⁵⁷ Там же. Л. 6 об.

⁵⁸ Ниже мы специально рассмотрим вопрос о взаимоотношениях Феодора Кузьмича с духовенством.

В сообщениях Мариам Ивановны Ерлыковой (Ткачевой), дочери крестьянина Ивана Федотова Ерлыкова, в доме которого старец жил три месяца, обучал грамоте брата Мариам, да и в другое время заходил к ним («посещал нас частенько»), содержатся многозначительные высказывания старца о том, что: «его родные поминают за упокой»; «если обо мне узнают, то жить мне здесь не дадут, но не только что Россия будет знать, даже и за границей»; «я родился в древах, если бы эти древа на меня посмотрели, то бы без ветру вершинами покачали» и другие⁵⁹. С. Н. Сидоров дважды записывал слова М. И. Ткачевой. По-видимому, после первого рассказа она поняла, что многое упустила.

«Сведения» в целом содержат очень конкретный материал об образе жизни старца до Томска. Они и легли в основу (чаще — опосредованно) вошедших в литературу характеристик его подвижничества. Кроме того, в «Сведениях» есть отдельные данные (со слов святого) о досибирском периоде — «бродяжничестве» Феодора Кузьмича.

3. Воспоминания Александры Никифоровны Федоровой

Следующий по времени возникновения источник — воспоминания А. Н. Федоровой. Их наиболее полно записал в Томске непосредственно со слов Александры Никифоровны М. Ф. Мельницкий и включил в свое обстоятельное первое жизнеописание старца⁶⁰. Из текста легко устанавливается дата их бесед: указан год рождения Федоровой — 1827 г. и возраст ее во время записи — 60 лет⁶¹. Следовательно, воспоминания зафиксированы в 1887 г., через пять лет после «Сведений». Мельницкий хотя и включил их в свое жизнеописание Феодора Кузьмича, но выделил особо, не смешивая с другими свидетельствами и событиями: изложение, касающееся Александры Никифоровны и записанное с ее слов, хотя и в третьем лице, идет сплошным текстом. Жанр воспоминаний в некоторых местах нарушается оценочными вставками Мельницкого, но они легко отличимы.

Основанием для выделения нами воспоминаний Федоровой в самостоятельный источник служит также значительность сообщаемых ею сведений и особая роль ее самой в передаче информации о праведном Феодоре Кузьмиче царской семье.

М. Ф. Мельницкий начинает запись воспоминаний следующей характеристикой: «Лучшим, однако, другом его [перед этим идет перечисление близких старцу Феодору Кузьмичу людей. — М. Г.], или, лучше сказать, единственный человек, которого он окружил особою отеческою заботливостью, обращаясь с ним как с родным детищем, была одна молодая девушка, дочь одного красноречинского крестьянина, Александра Никифоровна, известная теперь всему Томску под именем «майорши» Федоровой. Жизнь и судьба этой, теперь уже 60-ти-летней, женщины, тесно связанная с жизнью обожаемого ею старца, представляет сама по себе немалый интерес, поднимая несколько завесы подвижнической жизни и закулисной стороны тогдашней эпохи. С разрешения этой простой, но доброй, всеми уважаемой женщины, я позволю себе познакомить с ее судьбою читателя»⁶².

Свойства Александры Никифоровны располагают к доверию, а данное ею разрешение служит определенной гарантией точности изложения Мельницким рассказанного ею. Кроме того, многие из переданных А. Н. Федоровой фактов могут быть проверены, как будет показано ниже, по источникам другого типа.

Александра рано лишилась родителей и воспитывалась под покровительством священника села Красноречинское о. Поликарпа⁶³. «Находясь постоянно при церкви, под непосредственным вниманием священно-церковнослужителей, она скоро стала очень религиозной, а природный ум, мягкое сердце и необыкновенная отзывчивость с самых ранних лет требовали всецело отдаться служению на пользу ближнего»⁶⁴. Первые впечатления ее о Феодоре Кузьмиче относятся к 1839 г. Двенадцатилетняя девочка слышала о его подвижническом образе жизни и особых дарах духовных (общение с церковными людьми подготовило ее к восприятию таких тем): это — свидетельство о самых ранних сроках возникновения

⁵⁹ РО РГБ. Ф. 23. Карт. 8. Д. 1 (1а). Л. 10 об.

⁶⁰ Мельницкий М. Ф. Старец Феодор Кузьмич в 1836—1864 г. // Русская старина, 1892. Январь. Т. LXXIII. С. 95—102. О М. Мельницком см. ниже, в параграфе, посвященном составленному им жизнеописанию.

⁶¹ Там же. С. 95.

⁶² Там же.

⁶³ В «Сведениях» упоминается посещение старцем церкви в селе Красноречинском. РО РГБ. Ф. 23. Карт. 8. Д. 1а. Л. 7.

⁶⁴ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 95.

репутации Феодора Кузьмича как старца — шел третий год пребывания его в Сибири. В это уже время Александра нередко видит его окруженным «толпою крестьян, внимательно слушавших его поучительные беседы»⁶⁵.

Девочка становится добровольной и активной помощницей Феодора Кузьмича: она исполняла его поручения, «сопровождала его во время прогулок, чинила его платье, а впоследствии, когда старец несколько лет жил в Зерцалах, навещала его и там почти ежедневно»⁶⁶, ночуя около его кельи, и всевозможными способами оказывала ему свое расположение»⁶⁷.

Теперь уже Александра знала об образе жизни Феодора Кузьмича и его поучениях не понаслышке; и так — на многие годы. Она становится духовной дочерью старца и разлучается с ним лишь на время двух своих поездок на богомолье в европейскую часть России.

М. Ф. Мельницкий, стремившийся придать своему жизнеописанию Феодора Кузьмича светский характер⁶⁸, почти не касается духовного руководства старца. Возможно, он не был готов воспринять эту сторону ее рассказов. Но, скорее всего, сама А. Н. Федорова мало говорила об этом — по смирению, да и в силу настроения своего собеседника. Тем не менее, отмечены рассказы старца девушке о святых местах, монастырях, великих подвижниках. «Феодор Кузьмич знал решительно все монастыри и лавры» и говорил о них, по свидетельству данного источника, с подробностями и увлекательно.

В 1849 г. старец благословил Александру Никифоровну на паломничество к святыням Европейской России. Самый факт такого благословения говорит о духовном уровне, достигнутом к этому времени усердной ученицей. Пришлось преодолеть сопротивление братьев Александры, подыскивавших ей жениха. Феодор Кузьмич сам составил «подробный план» странствования, «отметил монастыри, в которых она должна побывать», «указал на лиц, гостеприимно принимающих странников». В

числе указаний такого рода — предполагаемая встреча в Почаевской лавре «с доброй и гостеприимной графиней», каковой оказалась потом супруга Дмитрия Ерофеича Остен-Сакена⁶⁹. Вот так просто, без всякой акцентации, начинается в воспоминаниях А. Н. Федоровой сообщение о знакомстве, общении и жизни в семье Остен-Сакенов духовной дочери Феодора Кузьмича. Этот важнейший факт должен быть увязан с сообщениями о существовании длительной переписки старца с благочестивым графом — по свидетельствам сына и внука Дмитрия Ерофеича⁷⁰.

Из Почаевской лавры Александра Никифоровна поехала далее с графиней, чтобы погостить в доме Остен-Сакенов в Кременчуге; там находился в это время со всей семьей и сам Дмитрий Ерофеич «и лечился от полученной им в Венгрии раны»⁷¹. Да, ведь идет 1849 год, отмеченный венгерскими событиями, и эта «деталь» о ране графа в воспоминаниях подтверждает достоверность источника⁷².

Сибирячка прожила около трех месяцев у Остен-Сакенов; принимали ее со всем гостеприимством, свойственным этому благочестивому семейству. Само по себе это не было бы удивительно, если бы не посетил в это время Кременчуг государь император Николай Павлович, остановившийся у Остен-Сакенов⁷³.

Царь провел в этом доме сутки. Обстоятельно и милостиво беседовал с сибирской богомолкой. Имела ли Александра Никифоровна какие-либо поручения от Феодора Кузьмича к государю или Остен-Сакену (письмо или устное сообщение), о которых она не хотела говорить и через тридцать восемь лет после события? Этого мы не знаем. Но можно утверждать с уверенностью, что она не была посвящена старцем в тайну его прошлого. Это видно из самого текста воспоминаний. В доме Остен-Сакенов она рассматривала портрет Александра I в рост и при первой встрече с духовным отцом (по возвращении домой в 1852 г.) сказала ему: «Батюшка Феодор Кузьмич! Как Вы на императора Александра Павловича похожи!»

⁶⁵ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 95—96.

⁶⁶ Село Красноречинское, где жила с братьями Александра Никифоровна, и деревня Зерцалы относились к одной и той же Боготольской волости.

⁶⁷ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 96.

⁶⁸ Подробнее об этой тенденции см. ниже — в характеристике жизнеописания Феодора Кузьмича, написанного Мельницким.

⁶⁹ Там же. С. 97.

⁷⁰ Вел. кн. Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Феодора Кузьмича. С. 38; Любимов Л. Тайна императора Александра I. Париж, 1938. С. 170, 185; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 274.

⁷¹ Мельницкий М. Ф. С. 97.

⁷² Об участии Дм. Ероф. Остен-Сакена в Венгерской кампании см. статью о нем в *Русском Библиографическом словаре*. СПб., 1905. Т. «Об — Оч». С. 398.

⁷³ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 98—99.

Был ли осведомлен о тайне к моменту встречи в Кременчуге император Николай Павлович? Уезжая, государь «приказал Сакену дать Александре Никифоровне записку—пропуск, сказав ей: «Если ты будешь в Петербурге, заходи во дворец, покажи ту записку, и нигде не задержат, — рассказала бы мне о своих странствованиях», присовокупив: «если тебе в чем будет нужда, обратись ко мне, я тебя не забуду». Государь, часто посещавший храмы и монастыри, имел возможность беседовать с богомольцами из разных концов страны, но вряд ли он давал им такие записки и обещания. Эта встреча была особой. Возможно, именно непосвященность Александры в сочетании с ее глубокой верой и близостью к Феодору Кузьмичу делала ее незаменимым, безопасным источником взаимной информации для близких людей, оказавшихся в столь сложной ситуации. Так же внимательно слушал ее и расспрашивал по возвращении Феодор Кузьмич, как Николай I в Кременчуге⁷⁴.

Это назначение Александры Никифоровны подтверждается ее встречей с императрицей Марией Александровной (супругой Александра II) во время второго паломничества в Европейскую Россию. Приступая к изложению этих событий и понимая, что необычность их вызовет сомнения у читателя, Мельницкий написал: «Далее история Александры Никифоровны принимает уже совершенно сказочный характер, напоминая собою сверхъестественные приключения героев тысячи и одной ночи. Тем не менее, достоверность дальнейших событий вполне подтверждается неопровержимыми фактами <...>»⁷⁵ (подчеркнуто М. Г.).

«Не стану описывать подробностей этого странствования, — пишет М. Ф. Мельницкий, — замечу только, что все, на кого указывал ей Феодор Кузьмич, принимали ее с особенным гостеприимством, указывали дальнейший путь и безопасные приюты и ограждали от различных случайностей. В Петербурге через генерала (фамилию его она забыла) ей пришлось проехаться в Валаам на одном пароходе с покойною императрицею Мариею Александровною, которая, узнав от своих фрейлин о том, что на пароходе находится молодая сибирячка, пригласила ее к себе и долго разговаривала о Сибири»⁷⁶.

Нам остается только пожалеть о том, что Мельницкий не стал «описывать подробностей» палом-

ничества Александры Никифоровны. Значит, они были, эти подробности, в ее рассказе! Возможно, что и крайняя лаконичность сообщения о знаменательной беседе сибирской богомолки с императрицей тоже есть плод редакции Мельницкого. Ведь подобное событие должно было запомниться в подробностях (о чем говорили) на всю жизнь. Говорили долго — и ничего не осталось в памяти?! Скорее всего, либо сама Александра Никифоровна, либо Мельницкий предпочли сказать из осторожности кратко об этой встрече. Обращает на себя внимание формулировка «через генерала», т.е. некий генерал специально устраивал духовную дочь Феодора Кузьмича на этот пароход!

Желание отправиться вторично по святым местам в Европейскую Россию возникло у Александры Никифоровны, по ее словам, в конце 1857 г. Следовательно, это событие — беседа с императрицей на пути в Валаамский монастырь — происходило в 1858 г. Обращаемся к истории обители. В ней подробно описано посещение Валаама императорской семьей именно в 1858 г.⁷⁷ Участвовали в этом: сам государь Александр II, государыня Мария Александровна, цесаревич Николай Александрович, великие князья Александр (будущий Александр III), Владимир и Алексей, а также вел. кн. Ольга Николаевна с супругом — наследным принцем Виртембергским. При этом августейшие богомольцы посетили пустынь покойного схимонаха Николая, «где за сорок перед тем лет беседовал с отшельником Николаем Государь Император Александр Благословенный»⁷⁸.

Поскольку Александра Никифоровна беседовала на пароходе только с императрицей, она, по-видимому, не сочла возможным (или не счел возможным Мельницкий) упоминать императора и других членов семьи.

Итак, эту паломницу—крестьянку генерал устраивал на пароход, на котором следовала в Валаамский монастырь императрица, а фрейлины докладывали о ней государыне... Но при всем этом смирение не оставило Александру, и она терпеливо, с немалыми трудностями продолжила свой путь, намеченный старцем. Феодор Кузьмич, благословляя ее на богомолье, особенно настаивал на посещении Киево-Печерской лавры и на встрече со старцем Парфением. «В особенности не забудь побывать у Парфения. Если он спросит тебя, за-

⁷⁴ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 98—99.

⁷⁵ Там же. С. 99.

⁷⁶ Там же. С. 100.

⁷⁷ Валаамский монастырь. СПб., 1903. С. 395—401.

⁷⁸ Там же. С. 399.

чем ты пришла к нему, скажи, что просить его благословения, ходила по святым местам и пришла из Красной Речки; что бы ни спрашивал он тебя, говори ему чистую правду, потому что великий это подвижник и угодник Божий»⁷⁹. Александра Никифоровна в скиту Киево-Печерской лавры разыскала старца-схимника Парфения. К числу наиболее ценных для жизнеописания праведного Феодора Кузьмича данных, содержащихся в воспоминаниях Федоровой, принадлежит высокая оценка сибирского старца широко известным киевским подвижником⁸⁰. «Зачем тебе мое благословение, — заметил он ей, — когда у вас на Красной речке есть великий подвижник и угодник Божий! Он будет столпом от земли до неба!»⁸¹

Еще одно свидетельство рассматриваемого источника о духовном лице подтверждается другими материалами. В судьбе сибирской богомолки, по ее словам, принял участие в Почаеве (при посещении монастыря во второй поездке) преосвященный Исидор, экзарх Грузии, который жил в этом монастыре по нескольку недель. Действительно, по официальным данным, Грузинским экзархом в 1858 г. был Исидор (Яков Сергеевич Никольский), коронованный Александра II⁸².

Примечательно, что в этом случае, как и в рассказе об Остен-Сакенах в первой поездке, информация сибирского источника перекликается с сообщениями эмигрантской литературы — свидетельствами потомков! Именно митрополит Исидор, по словам золотопромышленника В. И. Базилевского, «доверительно по-дружески сообщил, что по повелению императора Александра III с соблюдением строжайшей тайны гробница Александра I была вскрыта и оказавшееся там набальзамированное тело было извлечено из гробницы и погребено на каком-то петербургском кладбище»⁸³.

Таким образом, по свидетельствам совсем другого рода, связанным с другими событиями, мы видим, что лица, принимавшие участие в судьбе А. Н. Федоровой, оказываются причастными к тайне Феодора Кузьмича.

Особое место в жизни духовной дочери старца занял Почаевский монастырь. В первой поездке она добиралась до него по указанию Феодора Кузьмича и именно там разыскала графиню Остен-Сакен. Прожив в обители несколько дней, отправилась оттуда, как мы уже отмечали выше, с графиней в Кременчуг. Во второй поездке старец Парфений в Киево-Печерской Лавре благословил Александру Никифоровну, собиравшуюся уже было возвращаться домой, остаться, поговеть, причаститься, а затем «ехать в Почаев, если кто позовет». На другой день после этого благословения сибирячку пригласил ехать в Успенский Почаевский монастырь известный среди богомольцев благочестивый пожилой майор Федор Иванович Федоров (у него останавливались в Киеве многие паломники). В Почаеве преосвященный Исидор благословил ее принять предложение майора и выйти за него замуж (при этом архиепископ сам вытребовал для Александры метрику из ее села Красноречинского). Феодор Кузьмич предсказывал своей духовной дочери, что замуж она выйдет за офицера⁸⁴.

Место Почаевской лавры в паломничествах А. Н. Федоровой не только служит свидетельством глубоких связей богомольцев столь отдаленных друг от друга территорий Российской Империи, но, по-видимому, проливает ретроспективно свет на один из этапов «бродяжничества» Феодора Кузьмича. К этому аспекту данного источника, требующему сопоставления с другими материалами, мы обратимся в дальнейшем — при рассмотрении досибирских странствий старца. Здесь лишь заметим, что старец особо чтит образ Божией Матери Почаевской. В келье старца (в Томске) висела икона Почаевской Божией Матери⁸⁵. В числе оставшихся от старца вещей также упоминается икона «Почаевская Божия Матерь в чудесах»⁸⁶.

Овдовев после пяти лет замужества, Александра Никифоровна вернулась из Киева в Сибирь «майоршей Федоровой». По возвращении она не смогла задать свои вопросы духовному отцу, т. к.

⁷⁹ Валаамский монастырь... С. 399.

⁸⁰ О старце Парфении см. Поселянин Е. Н. Русские подвижники XIX в. 3-е изд. 1910. С. 452 и след. *Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской Лавры иеромонаха Парфения*. 1898. С. 27.

⁸¹ Мельницкий М. Ф. С. 100.

⁸² ППБЭС. Ч. I. СПб., репринтное издание, 1992. С. 686, 965.

⁸³ *Тайна старца Феодора Кузьмича*. // Двуглавый Орел. Берлин. № 32. 24 сент. / 7 окт. 1929 г. С. 1539. Цит. по Фомин С. В. Указ. соч. С. 57.

⁸⁴ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 97, 100—102.

⁸⁵ См. рассказ дочери Хромова в «Примечании» редакции после текста М. Ф. Мельницкого. // Русская старина. 1892. Январь. С. 106.

⁸⁶ Вел. кн. Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Феодора Кузьмича. СПб., 1907. С. 10.

не застала его в живых. Она поселилась в Томске, где старец жил все эти годы отсутствия Александры, «почти ежедневно приходила после церковной службы на его могилку и всякий раз возносила молитвы ко Господу со слезами об упокоении его души и молилась ему, считая его за великого угодника Божьего»⁸⁷.

Что думала она о сибирском прошлом Феодора Кузьмича ко времени бесед с М. Ф. Мельницким? Федорова не сделала никакого прямого заявления на этот счет — во всяком случае, ее слушатель не записал такового. Но она рассказала об эмоциональной реакции старца на ее восклицание о его сходстве с императором Александром Павловичем⁸⁸. А в другом случае сопровождала намек духовного отца на свое прошлое контекстом, разъясняющим смысл иносказания: «А что, Сашенька, ты меня не боишься?» — «Что же мне вас бояться—то, Феодор Кузьмич, ведь вы ласковы ко мне всегда были, да и других—то никого не обижаете!» — «Это только теперь я с тобою такой ласковый, а когда я был великим разбойником, то ты, наверное, испугалась бы меня!» В тот раз много говорил о Петербурге, царе и войнах, которые так губят безвинный народ»⁸⁹.

Можно предположить, что воспоминания Александры Никифоровны как источник о духовной жизни старца и его окружения были бы бога-

че, если бы их не пересказывал М. Ф. Мельницкий, опасавшийся углубления в религиозные проблемы и образ жизни богомольцев (в чем он упрекал С. Ф. Хромова, об этом — ниже). Тем не менее, и в таком виде свидетельства духовной дочери Феодора Кузьмича, пользовавшейся его особым расположением, служат бесценным дополнением к другим материалам.

Все три рассмотренных нами источника имеют общие свойства: они исходят от сибиряков, непосредственно общавшихся с Феодором Кузьмичем длительное время, его духовных чад, верующих и живших церковной жизнью людей, понимавших старца, его подвижничество, духовничество, знавших православную среду. В этом особое значение данной группы материалов для жизнеописания подвижника.

К этой группе примыкают отдельные свидетельства очевидцев жизни Феодора Кузьмича и ранние жизнеописания старца, составленные М. Ф. Мельницким и епископом Петром (Екатериновским), — оба застали еще в живых в Томске людей, знавших святого. Далее мы обратимся к характеристике источников совсем другого рода: официальным документам; свидетельствам потомков императорского дома и аристократических семей, опубликованным в эмиграции⁹⁰, и другим материалам.

⁸⁷ Мельницкий М. Ф. Указ. соч. С. 102.

⁸⁸ «Как я только это сказала, он весь в лице изменился, поднялся с места, брови нахмурились, да строго так на меня: «А ты почем знаешь? Кто это тебя научил так сказать мне?» — я и испугалась. — «Никто, — говорю, — батюшка, это я так просто сказала, я видела во весь рост портрет императора Александра Павловича у графа Остен-Сакена, мне и пришло на мысль, что вы на него похожи, и так же руку держите, как он!» Ничего не сказал ей на это старец, повернулся только и вышел в другую комнату и, как она увидела, обер рукавом рубашки полившие из глаз его слезы <...>». Там же. С. 99.

⁸⁹ Там же. С. 100.

⁹⁰ Относительно этого вида источников адресуем читателя, опережая предстоящую характеристику, к обзору Е. В. Ланге «Александр I и Феодор Кузьмич» (Записки русской академической группы в США. Т. XIII. Нью-Йорк. 1980. С. 261—337), в котором заметна тенденция отрицания тождества. А также — к современной, исключительно насыщенной информацией о зарубежных изданиях по данной проблеме и отличающейся объективностью подхода работе С. В. Фомина (Указ. соч.).